

Жайна
старого
поместья

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ПРИДИ В МОИ СНЫ

ДЕВУШКА
С СЕРЕБРЯНОЙ КРОВЬЮ

СЕРДЦЕ ЗВЕРЯ

ПРОКЛЯТОЕ НАСЛЕДСТВО

ЗМЕЕВЫ ДОЧКИ

ЗОВ СЕРЕБРА

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

ЗОВ СЕРЕБРА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Оформление серии *С. Власова*

Корсакова, Татьяна.

К69 Зов серебра / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2018. — 448 с. — (Тайна старого поместья. Романы Татьяны Корсаковой).

ISBN 978-5-04-096309-6

Ева не помнит своего детства, сторонится людей и физически не выносит ничьих прикосновений. Помочь в ее проблемах не может даже опытный психиатр. Но однажды девушка решает отправиться в Чернокаменск к единственному человеку, который обещает ей лекарство. Правда, прибыв на место, Ева узнает, что пригласивший ее старик зверски убит. Самое время бежать, но город уже тянет к ней свои щупальца, тревожа странными тенями воспоминаний, а в ушах звучит таинственный шепот, зов ее серебряной крови, и дающей благословение, и таящей самую большую опасность.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корсакова Т., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-096309-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Дождь зарядил от самой Перми. Сначала это был самый обыкновенный летний дождь, каких в Евиной жизни было немало. Но время летело, бросалось под колеса машины, послушно трансформируясь в километры, а дождевые капли барабанили по лобовому стеклу все неистовее и неистовее. Сперва только капли, затем живьем сдираемые с вековых сосен шишки и мелкие ветки. Пока еще мелкие...

Ненастье нельзя было назвать грозой — нигде не сверкало, не громыхало. Шум дождя заглушал льющийся из динамиков аудиосистемы рев. Ревел Влад Воронин, он же Ворон, солист и основатель «Фаренгейта», одной из популярнейших в стране рок-групп. Качественно, между прочим, ревел, с душой! Не верилось даже, что такое вообще возможно, чтобы обычный человек мог с одинаковой легкостью исполнить оперную арию в совершенно классической, академической даже манере и издавать вот такой звук. Рев, надо сказать, успокаивал Еву куда сильнее, чем скучная классика. Наверное, только поэтому эстет и аристократ Герман не предпринимал попыток бороться с подобным дурновкушем. Ну, или, возможно, потому, что с Вороном

был знаком лично и считал его «человеком весьма достойным, несмотря на некоторую андеграундную придурь». Гера вообще являлся специалистом по придуре, знал все ее оттенки и нюансы, иногда пытался с ней бороться, но чаще отпускал с миром. За что Ева была особенно ему благодарна.

Ее Гера тоже отпустил. Ох, как ему не хотелось! До такой степени, что он даже попытался прибегнуть к пошлому шантажу — прикинулся больным, едва ли не смертельно. Но и Ева была не лыком шита, в вопросах манипуляций и придуре могла обставить любого, а уж тем более Геру, который в ней души не чаял.

В тот их разговор Гера не подал вида, что расстроен или взволнован. Он даже не дал понять, что в курсе Евиного решения. Вместо этого он внезапно занемог, причем так сильно, что Еве, мастерице придуре и манипуляций, пришлось сорваться с насиженного места и лететь к нему в Москву — проверять, так ли плохи дела, как сообщил ей Славик, Герин референт.

В отличие от Евы и Германа Славик еще не овладел в совершенстве искусством вранья, в голосе его почувствовалось что-то такое... смущенное. Если бы речь шла не о Гере, а о ком-то другом, Ева не стала бы даже сомневаться, послала бы Славика куда подальше, не сорвалась бы с места, чтобы проверить. Чего стоил ей перелет в Москву, знала только она одна. Впрочем, Гера тоже знал, но визит этот не отменил. А раз не отменил — значит, и в самом деле что-то случилось...

Помнится, боязнь за него пересилила все прочие страхи. Ну, почти пересилила, таблеток в заветном пузырьке стало значительно меньше. И это означало, что придется снова идти на поклон к доктору Гельцу, врать и изощряться, пытаясь обмануть еще и его. Гельца обмануть было сложнее всего, но у Евы однажды получилось. Победа далась ей нелегко и не сразу. Не в первый и даже не во второй год — лет через пять. Нет, через пять с половиной! Чтобы добиться своего и перетащить доктора Гельца из стана врагов в стан пусть не друзей, но сочувствующих, ей пришлось совершить невозможное, стерпеть то, что вытерпеть было почти нереально.

Вытерпела! Сжала зубы с такой силой, что выкрошились пломбы, улыбалась сквозь сцепленные зубы и из последних сил старалась не сорваться. Такой проникательный и такой наивный доктор Гельц, лучший из лучших, почти гениальный, так и не понял, что нужно было подождать еще лишь пару мгновений, чтобы Ева окончательно слетела с катушек. Не слетела, но почти возненавидела. За все годы мучений, за вот такую, кровью и зубовным скрежетом давшуюся победу.

Или это была не окончательная победа? Не то чтобы Еву совсем оставили в покое, но границы того, что она считала клеткой, а Герман с доктором Гельцем — разумной осторожностью, расширились до такой степени, что она получила возможность жить так, как ей хочется, не оглядываясь на чужие сомнения и страхи. Ей и своих хватало. Только рассказывать о них Ева никому не собиралась: ни Гере,

ни уж тем более Гельцу. И про свой визит в Чернокаменск она тоже ничего не говорила. Наверное, Гера как-то сам узнал, по своим каналам, которых было превеликое множество. Оттого и занемог, даже в больничку залег — в комфортабельную виповскую палату в крутейшем медицинском центре, строительство которого сам же когда-то и профинансировал.

На том и спалился! Еве ли не знать, что собственный медцентр — это баловство и блажь, что, когда Геру прижимало по-настоящему, он ложился в клинику знаменитого профессора Александра Рудазова, только ему доверял свое покалеченное тело. Так же, как только Гельцу доверял Евину покалеченную душу, или что там у нее было вместо души?

...Страдания Гера изображал старательно и вполне удачно, даже бледность свою аристократическую сумел обратить себе на пользу, щеки втянул так, что вырисовались, обострились скулы. А щеки, кстати, аккуратно выбритые, дорогим лосьоном сбрызнутые. Запах лосьона Ева почуяла сразу, как только переступила порог виповской палаты. А вот запаха лекарств не почуяла, хоть внушительная батарея пузырьков и бутылочек демонстративно выстроилась на прикроватной тумбочке, на самом виду. Специально для Евы, блудной сестрицы.

— Слышала, ты помирать собрался! — Здороваться она не стала, а уж тем более лобызаться по-родственному. Да Гера и не ждал от нее такого чуда. — Гроб уже заказал?

Она сбросила рюкзак на пол и уселась в весьма комфортабельное и навороченное инвалидное кресло, в который уже раз дивясь его функциональности и ненавидя себя за такие вот гаденькие мысли.

— Пересядь. — Гера поморщился. На сей раз гримаса получилась искренней. Ну не любил братец, когда Ева садилась в его кресло. А она, наоборот, любила. Ей нравились и едва уловимый запах Гериного одеколona, впитавшийся в кожаную обивку, и отполированная гладкость подлокотников, и тихое жужжание электромотора. Все это приближало ее к Гере, заставляло ощутить себя частью семьи. — Пожалуйста, Евдокия!

Он всегда называл ее полным именем, когда злился или нервничал. Что сейчас? Какое чувство им двигало?

— Как скажешь. — Свое полное имя Ева не любила так же сильно, как Гера не любил видеть ее в собственном инвалидном кресле. Что это вообще за анахронизм такой — Евдокия! Бабка Авдотья какая-то! Дульсинея Тобосская... Или еще хуже, Дуся! Впрочем, Дусей ее не называл даже Гера. Попробовал однажды в Евином далеком детстве, и пришлось спешно звонить доктору Гельцу...

Кожаное кресло для посетителей было удобным, но пахло не Герой, а больничной казенщиной, очень дорогой казенщиной.

— Так как насчет гроба? Если хочешь, я могу поспособствовать, у меня есть связи.

У нее и в самом деле были связи, довольно обширные и специфические. И не беда, что распро-

странялись они на мир виртуальный, а не реальный. Иногда виртуальный мир может оказаться куда ярче и куда полезнее.

— Я в этом даже не сомневаюсь, Ева. Кстати, рад тебя видеть, сестрица!

Он и в самом деле был рад. И Ева тоже была бы несказанно рада, если бы не обстоятельства. Очень уж все подозрительно и странно. И если Гере вдруг вздумается пригласить доктора Гельца, вторую проверку она может не выдержать. Да что там! Вторую проверку она рискует не пережить. И, наверное, Гера о чем-то подобном догадывается, поэтому и предпочитает обманываться. Он, конечно, самый сильный, самый умный и самый замечательный, но и ему хочется обыкновенной, без выкрутасов семьи. Так уж вышло, что из семьи у Геры осталась только Ева. Так уж вышло, что «выкрутасы» — ее второе имя...

— Значит, передумал помирать? — В глазах вдруг защипало в тот самый момент, когда Ева только собралась пересесть из казенного кресла на ортопедическую Герину койку.

— Передумал. — Он улыбнулся нормальной своей улыбкой — не мученической, а вполне себе хищной.

Он и был хищником — акулой бизнеса, финансовым гением. Именно его стараниями их маленькая и странная семья не только сохранила, но и значительно приумножила то, что осталось после смерти родителей. У Геры всегда как-то поразительно хорошо получалось разбираться в людях. Он чуял

в них самую суть, умел совершенно незаметно для собеседника разложить его душу на составляющие, а потом собрать так, чтобы получилась необходимая комбинация. Пожалуй, в этом смысле Гера был даже лучше доктора Гельца.

— Слухи о моей грядущей кончине сильно преувеличены. Ты как долетела?

— Нормально. — Пришлось снова соврать. Перелет дался ей тяжело. Билет в бизнес-класс несколько смягчил ситуацию, но не сильно. Если бы Гера не прикинулся смертельно больным... — За машину спасибо. — Он прислал за ней лимузин. Длинный, хищный, с вкусно пахнущим нутром и молчаливым водителем. Безопасный.

— Пожалуйста. Это самое малое, что я мог для тебя сделать.

Неправда! Уже который год Гера делал для нее так много, что казалось, больше уже нечего. Единственное, чего он не мог сделать, — это позволить Еве жить своей собственной жизнью. Старался изо всех сил, но не мог. Ева его понимала, поэтому не осуждала, все проявления братской любви сносила с великим смирением. Отчасти оттого, что ближе Геры у нее никого не было и быть не могло. А отчасти оттого, что где-то в ее туманном будущем постоянно маячил призрак гениального доктора Гельца с его пронизательностью и передовыми методами. Стоило только оступиться, стоило только сделать что-то не так, и Гельц решительной поступью войдет в ее новую реальность, ту самую, которую она с таким трудом построила. И Гера не поможет,

потому что искренне верит в гений Гельца и не до конца верит в Евину благоразумность, потому что любит Еву и изо всех сил пытается ее защитить. Пусть даже и от нее самой. А это значит, нужно постараться и сыграть свою роль максимально хорошо, с душой. А еще отстаять свое право на личное пространство и собственную жизнь.

— Как ты себя чувствуешь, Герик? — Все-таки она перебралась из кресла на больничную койку, присела на самый краешек, так, чтобы ничего не задеть и не потревожить. — На самом деле, как?

Он выглядел хорошо. Даже на этой своей ортопедической кровати, даже в этой напичканной медицинской техникой виповской палате. Он был красив той особенной красотой, которая дается одному на миллион — завораживающей и притягательной. Мускулистый, вихрастый, сероглазый, с ироничной усмешкой и мальчишескими ямочками на щеках. Аполлон, который по какой-то чудовищной несправедливости лишился возможности ходить. Да, у Аполлонов, оказывается, тоже бывают нерешаемые проблемы в виде травмы позвоночника... Давней травмы, последствия которой не может исправить даже гениальный профессор Рудазов.

— Теперь, когда ты рядом, я чувствую себя совсем хорошо. — Гера улыбнулся, погладил больничную простыню рядом с Евиными пальцами, и она едва удержалась, чтобы не отдернуть руку. Заметил? Пусть бы не заметил. — Настолько хорошо, что готов отправиться домой. Поехали домой, Ева!

Не дожидаясь ответа, он щелкнул пультом дистанционного управления, и кресло зажужжало мотором, послушно подползло к кровати. Гера не признавал посторонней помощи, не нанимал сиделок, поэтому окружал себя вещами, которые позволяли ему быть почти полностью автономным. И собственному телу он не давал поблажек. Бассейн каждый день, специально оборудованный тренажерный зал через день. Еще что-то из восточных практик для укрепления чакр и силы духа. Еве казалось это лишним, с чакрами и силой духа у Геры был полный порядок, но его стремление к самосовершенствованию она уважала всем сердцем.

— Поехали! — Она спрыгнула с кровати, обогнув замершее кресло, отошла к окну. Там, за стеклом, жил своей собственной жизнью большой город. Уже давно стемнело, но он и не помышлял о покое, сиял огнями витрин, натужно сигналил клаксонами застрявших в пробках машин. — Очень хочется есть! Ты же меня покормишь, Гера?

К дому, который Гера считал их общим, а Ева чужим, их вез все тот же лимузин. Простора его салона вполне хватало, чтобы никто не чувствовал неловкости. Хорошо, что Гера обо всем позаботился. Хорошо, что у него все в порядке. Ради этого стоило вернуться в большой город, она и в самом деле соскучилась по брату. А еще у нее имелась к нему просьба. Для Геры — это было сущим пустяком, а вот Еве казалось серьезной проблемой. зуб не переставая ныл уже вторую неделю, и стало совершенно ясно, что без стоматолога не обойтись.

Вообще-то, к огромной Евиной радости, болела она до крайности редко. Можно сказать, вообще не болела. Но зубы, зубы у нее были как у всех.

— Мне нужен стоматолог, — сказала она, наблюдая, как исчезают за окном городские многоэтажки, уступая место пока еще редкому лесу. — Зуб болит. — Рука сама собой потянулась к щеке, к тому месту, которое ныло и уже начинало пульсировать. — Сделаешь?

— Почему сразу не сказала? — Гера глянул на нее искоса, а потом нажал на кнопку переговорного устройства, велел: — Васильевич, разворачивайся! Едем на Лизюковых.

— Сейчас? — Ева так испугалась, что аж холодным потом покрылась.

— А чего тянуть? Хочешь дожидаться флюса?

Флюса ждать не хотелось, но вот так внезапно...

— Гер, я ж потом буду никакая после наркоза, — попыталась она дать задний ход.

— Нормальная ты будешь после наркоза. Там знаешь какой сейчас наркоз? Шикарный, никакого отходняка.

— А врачи?

— Будут и врачи. — Он говорил и одновременно набирал что-то в своем телефоне. — Я договорюсь.

Он и в самом деле договорился. Их встречали прямо в вестибюле сияющей стерильностью и модерном стоматологической клиники.

— Гер... — Ева бросила на брата беспомощный взгляд, как делала это в детстве.

— Не бойся. — Он ободряюще улыбнулся. — Я буду рядом. Заснешь, проснешься — а у тебя уже полный рот новых зубов.

— Не нужны мне новые, мне бы со старыми разобраться.

— Значит, полный рот старых, но здоровых. Давай, Ева, не дрейфь! Все будет хорошо.

Герра не обманул. Он вообще редко ее обманывал. Еве показалось, что она и не засыпала вовсе, только лишь на мгновение прикрыла глаза, как чей-то бархатный баритон тут же сказал:

— Ну все, барышня, открываем глазки! Считаем пальчики! Рассказываем дяде доктору, сколько насчитали.

— Три, — сказала Ева и провела языком по тому зубу, который ныл и мешал нормально жить. Зуб больше не болел.

— Вот и умница! Вот и прекрасно! И зубки у вас прекрасные. Один средний кариес и один поверхностный — сущие пустяки по нынешним временам. — Владелец баритона улыбался по-отечески и смотрел на Еву ласково.

— Я могу идти? — Она принялась неловко выбираться из стоматологического кресла. Едва не свалилась с ног, но никто из персонала даже не попытался ей помочь. Какие молодцы!

— Можете! — Владелец баритона еще раз улыбнулся и даже помахал Еве рукой, отпуская ее из клиники окончательно и бесповоротно.

— Спасибо! — сказала Ева так искренне и проникновенно, что улыбка доктора из вежливо-дежур-